

* * *

Какою тонкою печалью
Пронизан воздух бытия,
Его свеченье и молчанье,
Минута каждая твоя!
Должно быть, грусть неотвратима,
Как возраст... но в ее поре
Даль очищается от дыма,
Клубившегося на заре,
Свет очищается от тени,
А тень от света — и видна
Под пленкой сумерек
смятенье
Внушающая глубина...

* * *

Душа обязана трудиться...

Н. Заболоцкий

Тонко все, что состоит из света,
Наши нервы скоро отомрут,
А душа останется... и это —
Воздаянье за напрасный труд.
Но душе надсаживаться вечно!
Замыкая звенья и круги,
Истончаясь нервно и сердечно,
Раздавая жертвы и долги,
Будем отражаться вновь и снова,
Точки бесконечности дурной,
От кривого зеркала земного,
От скупой поверхности земной...

* * *

Блаженны кроткие: их взор не замутнен,
Рассудок — трезв, уста — медоточивы...
На их пути — стремнины и обрывы,
Зубовный скрежет и вселенский стон,
Но их глаза взирают, не сверлят,
Их речи — утоляют, не тревожат,
Как Божий дар, они вкушают яд,
И день мытарств, как праздник, ими прожит...
Нет им преград, и нет у них врагов.
Не знают ни воров, ни дураков
Блаженные — ударь: подставят щеку...
А ты живешь — мякинный хлеб жуешь,
Клянешь, рыдаешь, мучаешься, ждешь —
И веришь проходимцу, как пророку...

* * *

*В чистом поле брошусь на траву
И врагов на праздник позову...*

А. Чмыхало

Становится безжалостно строга
Правдивая основа целой жизни —
И вот у человека нет врага,
А есть седой сотрапезник на тризне.

Как ни растленна слава у людей,
Блажен, кто превозмог ее объятья,
Тогда у человека нет судей,
А есть лишь соучастники и братья.

Так время сопрягает имена
Всего, что есть, — судьбою, слово в слово:
«Во всем твоя заслуга и вина,
И нет на свете ничего иного!».

* * *

*Бросая камень в мою родину,
ты неизбежно попадаешь в меня.*

Из частного письма

Я — Россия.
Над горькой землей возреяв,
Дым и пепел смиряют имперский жар.
Я не дам в обиду моих евреев,
И мою Чечню, и моих татар...

Не без грешников в нашем засечном стане,
Но попробуй изъять из моих глубин
Голубиные рокоты Пиросмани
И лозы кахетинской живой рубин...
Да, ладони мои — и нежны, и грубы,
Но любовь так искренна и чиста,
Что дробят мне дыхание ритмы Кубы —
И огонь Хиросимы палит уста
До сих пор...
При петливой степной дороге,
Там, где братской рукой уничтожен брат,
Льются слезы мои, и мои тревоги
Умножаются по миру во сто крат.
Да, как ржавая жесть, мои тайны пестры,
Но когда пожар в доме лютовал,
Дорогие братья мои и сестры,
Кто вступался? Кто руку вам подавал?
Да, на вечность вперед провиденье слепо:
Дождь смывает следы, время стены ест...
Кто ж за русских заступится? Только небо.
Богородицын плат. Нерушимый крест.

* * *

Каждому дню довольно своей заботы!
Очи отверз — а там уж трубят отбой.
Главное — узнать в этой жизни, кто ты,
Чтобы потом оставаться самим собой...
Так отлепись, душа, от костей кумира!
Не изменяй себе и не торгуй лицом!
Самое легкое — глиной в ладонях мира.
Самое трудное — в Божьей руке резцом.

ВЕТЕР

Над нами гудит юго-западный ветер,
Колеблет под окнами мокрые ветви,
И кажется, двери сорвал бы он с петель,
Когда б не упрямились цепкие петли.
Наш дом — слава Богу! — надежная крепость,
Но высунуть нос за ворота попробуй —
Идущей весны молодая свирепость
Такой вдохновенной пропитана злобой,
Что, как ни спасайся велюром и фетром,
Ни прячься в изделья, подбитые мехом,
Гляди: твоя грива наполнена ветром! —
И Кто-то грохочет заоблачным смехом
Над бесперспективностью жалкой попытки
Уйти от причины своей подноготной,

От этой разнузданной мартовской пытки,
От неистребимой тоски приворотной!..
«Мой друг! Я слаба... Мне не надо полета.
Всю жизнь я хотела лишь прочного крова!»
Но нет милосердия к тебе у Кого-то,
И ты улетаешь... И снова... И снова...

СТИХИ ДОЖДЕМ

Усталость отодвинь, как шкаф или комод!
Пусть сразу — тяжело, но после станет легче...
Смотри-ка: бойкий луч по ниточке снует,
Пробив дощатый кров на дрогнувшем крылечке!

По нити дождевой, по нити дождевой...
Как в ливень упадешь — так потеряешь голос,
Сравняв себя с травой, и выпьет голос твой
С водою корневой — надменный гладиолус...

Рассеянный гордец! он шпагою своей,
Опутанной дождем, грозит иным Вселенным:
Чем бремя тяжелей, тем стан его прямей,
Его еще никто не видывал согбенным!

По нити дождевой осколок световой,
Пульсируя, снует — назло крыльцу и тучам...
Давай же — соскользни (по нити дождевой!),
Как семечко в гряде, в круговорот живой,
Сомкнись с самим собой в его котле кипучем!..

* * *

Мир ловил меня, но не поймал.

Григорий Сковорода

У него — палатища из палат,
Пол — смарагдовый, в золоте — потолок.
У меня над ночлегом — тумана плат,
И постель — душистого сена клок.
У него — из всех нарядов наряд:
Бархат, вышитый серебром.
А на мне лохмотья огнем горят —
И хохочет смерд над моим добром.
У него — из челяди челядь: что раб — то князь.
Смотрят важно — умело падают ниц.
Мне никто не кланялся отродясь,
Кроме псов бродячих да вольных птиц.

То-то — силою славный среди людей —
Не имея зелия от тоски,
Он расставил на скудной тропе моей
И капканы скрытные, и силки.
Но такой ли достигнет заветных троп?
Не дано бедняге меня поймать,
Остается ему среди праздных проб
Загребущие пальцы свои кусать.
А меня — молоком небесных коров
Окормляет Господь;
Свой летящий флаг
Надо мной простирает, бескрайний кров,
И ведет по дороге бессчетных благ...